

Я.Б. ГАМАРНИК
(1894 — 1937)

ЕГО ЗНАЛА ВСЯ
СТРАНА

Зоя ЕРОШОК

С Викторией Яновной Гамарник, в замужестве Кочневой, меня познакомил Григорий Устинович Дольников, прославленный летчик, Герой Советского Союза, генерал-полковник в отставке.

Однажды генерал сказал:

”Что касается исторической осведомленности, то мы в своем прошлом до недавнего времени видели только блистательные победы и сияющие вершины, а от всего самого горького, что выпало на долю народа, стыдливо отворачивались. И не обязательно — война! Был мир, пострашнее войны.

Народ воспринимается фоном истории, безликим и однообразным. Поддавались дедайки лет, прежде чем среди этого фона эта или та группа отдельных людей, лица”.

Генерал сидел выпрямившись, не спуская с меня своих огромных беспокойных глаз.

”Много лет я дружу с Ветой Гамарник. И хоть у самого жизнь была не сахар, но то, что Вета хлебнула... Невидимой плотиной была она отгорожена от живой жизни — и плотину эту прорвало только, когда Сталина не стало. А в чем была повинна?..”

Меня встречает красивая седая женщина. Приветлива. Улыбается. Но глаза — строгие.

Рассказать об отце? Раньше его знала вся страна. Сейчас уже есть необходимость в биографической справке.

В 1905 году одиннадцатилетний гимназист Ян Гамарник принял участие в революционной студенческой сходке. Дело происходило в Одессе. Одесса была в баррикадах. Ян видел матросов с броненосца ”Потемкин”, закованных в кандалы.

Учился Ян только на ”отлично”, но гимназию окончил с серебряной медалью вместо золотой: ”за воль-

ность мысли". Сестры вспоминали, как часто видели шестнадцатилетнего Яна, склонившегося ночью над толстой книгой. То был "Капитал" Маркса. В 1913 году Ян Гамарник поступает в Петербургский психоневрологический институт. Слушает лекции Бехтерева, выступления Горького. Через год переводится на юридический факультет Киевского университета. В 1916 году вступает в партию большевиков. В марте 1917 года возглавляет легальный комитет большевиков в Киеве. Ему в ту пору 23 года.

Помещался легальный комитет большевиков в Киеве в нескольких комнатах Марьинского дворца. Сестры Гамарника, проходя сюда с матерью, опасливо оглядывались, не веря, что Ян тут может быть главным.

После победы революции в Петрограде в Киев был возмущен ревком. Ревком готовил переход власти в руки Совета рабочих и солдатских депутатов. И вдруг весть: Ян арестован!

Ян Гамарник (первый слева) среди активных участников январского восстания в Киеве против контрреволюционной Центральной рады. 1918 г.

Марьинский дворец захватили юнкера. Четырнадцать большевиков, в том числе и Яна Гамарника, под конвоем отвели в штаб военного округа.

Мама Гамарника помчалась на Банковскую улицу, где находился этот штаб, и кинулась в ноги к командующему округом, умоляя о свидании с сыном. Командующий сказал: "Что, вырастила бандита, а теперь слезы льешь?" Свидание, однако, разрешил.

Часовой открыл дверь. Ян и его товарищи сидели на полу и разговаривали. Мама остановилась на пороге, плача. Офицер сказал: "Подожди, завтра на рассвете всех перевешаем, тогда и будешь реветь". Мать забилась в истерику. Ян, подойдя ближе, сказал: "Мама, перестань! Твои слезы их только радуют. Крепись и покажи всем, что ты мать большевика!"

В ту ночь родители и сестры Яна не сомкнули глаз. Не дождавшись рассвета, пошли к штабу. И вдруг видят и не верят своим глазам: навстречу им мчатся машины и

на одной из этих машин с красными развевающимися на ветру флагами — Ян!

— Ну вот, все хорошо! — крикнул, увидев родных. — Домой не могу, еду на "Арсенал".

Он был необычайно взволнован, радостен, счастлив.

Сестры Яна Борисовича, Фаина и Клара, несколько десятилетий спустя, вспоминая эту минуту, напишут:

— Мы поняли: сбылась его самая заветная мечта”.

В третьем номере киевского журнала "Коммунист" за 1920 год сам Ян Гамарник так описывает те дни:

— Нас оторвали от готовых восстать рабочих и солдат и посадили под арест. Оставшиеся на свободе товарищи быстро создали руководящий восстанием центр и повели в бой рабочие и солдатские отряды, они на деле показали белогвардейцам, что мало снять голову, что нельзя этим остановить революцию...

Перестрелка в городе все усиливалась, мы же сидели, отрезанные от всего мира. Никто из нас не боялся смерти, хотя она и была близка. Мы все думали и говорили о восстании в Петрограде, о борьбе на улицах Киева; каждый думал только об одном: как бы вырваться к восставшим, как бы встать в их ряды. После освобождения мы бросились во дворец, там уже заседал Совет победивше-

го киевского пролетариата. Из дворца мы направились в штаб восстания, находившийся в "Арсенале", и помню я путь из дворца в "Арсенал" — всюду рабочие патрули, баррикады, чувствуешь могучее дыхание пролетарской революции, чувствуешь в каждом бойце веру в рабочее дело и в рабочую победу. Прибыли в "Арсенал", и здесь стало ясно, почему мы разбили белогвардейцев: здесь все кипело, все работало; рабочие, работницы и солдаты — все горели энтузиазмом, все горели ненавистью к буржуазному миру. Помню, как один из арсенальцев мне говорил: "Сегодня в час ночи мы решили бить по штабу на Банковской улице, раньше не делали этого из-за вас, четырнадцати, а сегодня решили, что для революции придется вами пожертвовать и разгромить артиллерией белогвардейский штаб".

"...Мало снять голову... нельзя этим остановить революцию..." Господи, как этот октябрь 1917 года печально перекликается с маем 1953-го.

Виктория Яновна вспоминает, а я записываю.

"В тридцать шестом году летом мы отдыхали с папой в Сочи. Я сидела на террасе папиной дачи и читала. Неожиданно в дверях появился Сталин. Я, не поднявшись, протянула ему руку. Пришел папа, и они уединились в кабинете. Когда Сталин ушел, папа сказал: дело не в том, что это Сталин, вошел человек во много раз старше тебя, а ты не соизволила встать. Шел тридцать шестой год. Папа мог бы сказать: сам Сталин зашел, а ты... Но сказал: дело не в том, что это Сталин..."

На похоронах Серго Орджоникидзе папа стоял в почетном карауле, а я за стульями, где сидели Зинаида Гавриловна и Этери, жена и дочь Орджоникидзе. Помню, я очень плакала. Мама ругала папу, что он взял меня с собой. "Серго был такой человек, такой большевик, о котором нужно и можно плакать", — сказал папа. Серго Орджоникидзе застрелился 18 февраля 1937 года. Мой папа — 31 мая 1937 года".

О том, что папа застрелился, Вета не знала. Последнее время Ян Борисович тяжело и мучительно болел, у него было обострение сахарного диабета, и Вета думала, что папа просто умер. Но утром следующего дня из газет Вета узнала, что отец покончил с собой, "запутавшись в связях с контрреволюционным элементом". Вета стала медленно развязывать пионерский галстук. "Что

ты делаешь?" — в голосе мамы напряжение. "Если папа такой... я не имею права быть..." Мама ударила по лицу: "Не смей! Не смей — ты слышишь меня? — не то что говорить, думать об отце плохо. Он был настоящим большевиком до последней своей минуты".

Жена Гамарника вместе с ним работала в одесском подполье, вместе прошли они гражданскую войну. Она была членом партии большевиков с 1917 года. Окончила Институт красной профессуры, работала редактором-консультантом в издательстве, выпускавшем "Историю гражданской войны в СССР". Кажется, успело выйти тогда всего два тома. История, как и люди, становилась "оборотом, подлежащим вымарке и переделке".

За два дня до смерти Гамарника на вокзале, в поезде, на глазах у встречающей жены арестовали Иеронима Петровича Уборевича, командующего войсками Белорусского военного округа, кандидата в члены ЦК ВКП(б). Его дочь Мира и Вета были молочными сестрами. Ветина мама после родов заболела, и кормила грудью Вету Нина Владимировна Уборевич, Мирина мама. Мира и Вета были одноклассниками, учились в одном классе, жили в одном доме в Большом Ржевском, 11. О том, что Мирин папа арестован, сообщения в газетах не было, и в классе об этом знали только Мира и Вета. А о Гамарнике прочитали, конечно, все. Однако в школе Вету встретили как ни в чем не бывало. Никаких вопросов, никаких разговоров на эту тему.

Крематорий находился на Шаболовке.

Хоронили Яна Борисовича 2 июня 1937 года. Хоронили втроем — Вета, ее мама и шофер Семен Федорович Панов.

Наступила минута прощания. Вета подошла к отцу. Он будто спал. В военной форме (но без орденов, ордена уже отобрали), лицо совершенно спокойное, прекрасное бледное лицо.

2 июня был день рождения Яна Борисовича. Ему исполнилось бы 43 года.

Никакого места праху Гамарника в крематории определено не было. Гамарник (как и многие люди в то время) должен был исчезнуть с лица земли бесследно в никуда. Без права на память.

Я смотрю семейный альбом.

Вот фотография. Вполне обычная. Амур, серый день, в лодке двое — Ян Гамарник и маршал Егоров. Это последняя поездка Гамарника на Дальний Восток. На нем, уполномоченном ЦК ВКП(б), лежало руководство промышленным и оборонным строительством на Дальнем Востоке. У писателя П.А. Павленко в романе "На Востоке" есть такое место: "В декабре прошлого года приехал из Москвы невысокий бородатый человек с мрачным лицом и добрыми глазами. Он приказал снарядить самолет на север и, посмотрев планы закладки города, сказал твердо: "Город начнем — вот здесь, в тайге на Нижнем Амуре". (Это о Яне Борисовиче, об основании Комсомольска-на-Амуре.)

Фотографировал Гамарника и Егорова в лодке на Амуре Иван Михайлович Рачков, старший лейтенант Гамарника.

Обычная фотография. На пленке ее проявлена восемьдесят пять лет спустя. Все это время Иван Михайлович Рачков работал в лагерях. зам. наркомвоенмора и начальник Политуправления РККА Я.Б. Гамарник на боевом корабле

Стены небольшой комнаты Виктории Яновны — в портретах отца, однако эти портреты пересняты по просьбе Виктории Яновны в 1956 году с лент кинохроники. В 1937 году все фотографии Яна Борисовича были изъяты при обыске и пропали безвозвратно.

Впрочем, может быть, и не безвозвратно? Где-нибудь в "Деле..." среди донесений и доносов, очень личных писем и разрозненных деловых листочков хранятся и они. Когда откроются наконец недоступные архивы, отыщутся там среди всего прочего и фотографии и вернутся в семейные альбомы. На свое место.

Я смотрю на фотографию и думаю о времени, которое тоже проявляет. И особенно отчетливо то, что оно, время, сильно и живо прежде всего людьми, людской солидарностью, людской памятью.

В 1929 году первого секретаря Белорусского ЦК партии Яна Борисовича Гамарника переводят на работу в Москву — начальником ПУРа. Секретарем к нему назначен И.М. Рачков, который был с ним до последней минуты.

Когда в 1937 году Ивана Михайловича Рачкова исключали из партии, он от Гамарника — не в пример другому секретарю — не отрекался, по поводу добрых с

ним отношений не винился, не калялся. По выходе из лагеря нашел Викторию Яновну и до конца его дней их связывала крепкая дружба.

«Иван Михайлович Рачков каждый раз при встречах со мной что-то новое вспоминал об отце, — говорит Викторія Яновна. — Мне иногда казалось, что он продолжал жить в том времени...» «Ты помнишь, как папа ездил за границу лечиться?» — «Нет, не помню». — «Ну, как же! Тогда вдруг разнесся слух, что в Австрии есть профессор Норден, который излечивает диабет. И ЦК принял решение отправить Яна Борисовича к нему, на лечение. С выездом за границу в то время было сложнее, чем когда-либо. Яну Борисовичу пришлось сбрить бороду, надеть штатский костюм и под чужой фамилией двинуться в путь. Уезжал он на 1,5 — 2 месяца, а через две

недели получаю приказ его встречать. На вокзале подхожу к международному вагону. Вот вышел последний пассажир. Яна Борисовича нет. Поднимаю голову и вижу его, идущего от общего вагона. "Понимаешь, — говорит, улыбаясь, — профессор этот ни черта не может, а тратит на себя государственное золото, которое так нужно стране, я не считаю вправе. Потому и сбежал. Ну, а из этих же соображений ехал в общем вагоне. Валюта — опять же не моя, а народная". Иван Михайлович пьет чай. Улыбается своим мыслям. И опять: "Когда Ян Борисович пришел на заседание, многие его не узнали. Без бороды, молодой. Надежда Константиновна Крупская спросила у Ворошилова: "Кто это?" А ведь она хорошо знала и любила Яна Борисовича".

Это я знала. Как-то папа пришел домой рано, даже я еще не спала. Папа приходил с работы обычно в 3—4 часа утра, а тут рано и с порога крикнул: "Дочка!" Когда я подбежала, он расстегнул два кривые крючки своей шинели и вытащил пушистого белоснежного сибирского котенка. "Это тебе Надежда Константиновна просила передать".

Аристарх Тихонович Якимов в своих воспоминаниях об отце пишет, что в 30-х годах он работал в Москве в Комиссии Советского контроля при Совнаркоме СССР под руководством Марии Ильиничны Ульяновой. 31 мая 1937 года Якимов видел с Марией Ильиничну, у окна своего кабинета, плачущую навзрыд. Она только что получила известие о самоубийстве Гамарника... По свидетельству Якимова, Мария Ильинична сказала: "Какой человек погиб".

О своей встрече с Владимиром Ильичем Лениным в 1918 году, накануне I съезда большевиков Украины, Ян Гамарник вспоминал: "Будто живой воды напился".

Двадцатипятилетний Ян Гамарник был членом Реввоенсовета Южной группы войск 12-й армии. Есть документ, свидетельствующий о высокой оценке действий и побед Южной группы Владимиром Ильичем Лениным.

После февральско-мартовского (1937 г.) Пленума ЦК партии (накануне застрелился Серго Орджоникидзе) проходили активы. На них упоеннее, чем когда-либо, пелась "аллилуйя" Сталину и предавались анафеме "враги народа".

А как ведет себя в это время Ян Гамарник?

”Возьмитесь за Ленина, читайте том за томом, это будет лучший метод изучения марксизма-ленинизма”.

Это из выступления Я.Б.Гамарника 22 марта 1937 года на собрании актива Балтийского флота.

Он в ту свою последнюю весну в каждом выступлении: читайте Ленина, том за томом. Будто заклинает, будто знак, ключ дает.

10 июня 1937 года Вету и ее маму сослали в Астрахань. Вместе с ними в Астрахань были сосланы жены и дети Тухачевского, Уборевича и других военных. По дороге в Астрахань узнали приговор трибунала ”по делу военной группы”. Приговор уже был приведен в исполнение.

В Астрахани женщины сбивались с ног в поисках работы. Работы им нигде не было.

1 сентября 1937 года дети пошли в астраханскую школу. Через пять дней арестовали их мам, а самих детей отправили в астраханский детприемник. Потом — в детдом. Мира Уборевич, Вета Гамарник и Света Тухачевская попали в один детский и Нюже Дассетовский, что в восьми километрах от Свердловска.

В течение года Вета, Мира и Света переписывались с мамами, которые сидели в это время в Темниковских лагерях (Мордовия). Через год переписка оборвалась навсегда. Спустя восемнадцать лет стало известно: мамы были расстреляны.

Никого из друзей и соратников Яна Борисовича Гамарника уже нет в живых. Никого.

Пока они были живы, много могли бы рассказать мне о нем такого, что знали только они.

Я упираюсь в их смерти, как в стенку, которую не обойти.

Остались от некоторых из них, кто умер своей смертью, пережив, пересилив тюрьмы, лагеря, ссылки, через которые они все как один прошли в сталинские годы, остались воспоминания, всего по несколько пожелтевших страниц, где о ”товарище Яне” говорится с неизменным пиететом.

Но этого мало...

Они, товарищи, знали — не могли не знать! — сияющих черт Яна Борисовича, черт, о которых важно им было бы именно рассказывать, потому что есть вещи, кото-

рые должны передаваться от живого к живому, которые описать, быть может, вовсе невозможно.

Что мешало мне встретиться с ними прежде? Другое время? Что на время кивать...

А ведь каждый из этих людей интересен не только в связи с Гамарником, но имел и "собственное имя и значение".

Теперь вот читаю и перечитываю очень немногочисленные воспоминания, пишу по ним о Гамарнике, а слово мне не поддается...

Что же Вета успела узнать об отце при его жизни?.. Очень мало.

Память, действительно, не непрерывна, что-то, быть может, существенное забывается напрочь, а какие-то подробности люди и впрямь обречены помнить всю жизнь.

Ян Борисович покупает Вете шведскую стенку и настаивает на занятиях спортом. Он считает, что молодежь должна быть крепкой, смелой, выносливой. Вета — довольно-таки плотненькая девочка и лазает по шведской стенке тяжело и весьма неохотно.

Ян Борисович учит Вету бегать на коньках, плавать.

С плаванием у Веты никак не получается. Однажды в Крыму отец берет Вету с собой в лодку, отплывает далеко от берега и преспокойно бросает дочь в море. Вета беспомощно барахтается, а ей: "Плыви. Не бойся. Ты ведь умеешь плавать". И Вета плывет! Сам Ян Борисович плавал преотлично. В молодости легко переплывал Днепр. А еще любил верховую езду. В детстве объезжал диких лошадей. И потом это ему очень помогло во время похода Южной группы 12-й армии, когда по несколько суток подряд приходилось быть в седле.

Из воспоминаний начальника штаба Южной группы А. Немитца:

"Я диктую машинистке Шурочке первый приказ по войскам Южной группы: "Товарищи красноармейцы! Мы окружены..." Далее описываю, какие части белых нас окружают, и сообщая, что фронт уже отошел от Вопнярки на север на 480 верст. Призываю войска осознать серьезность положения, повысить дисциплину и в полном боевом порядке пробиваться на соединение с частями

Г.К. Орджоникидзе,
Л.М. Каганович,
В.М. Молотов,
Я.Э. Рудзутак,
Я.Б. Гамарник,
К.Е. Ворошилов,
И.В. Сталин,
М.И. Калинин
на похоронах
С.М. Кирова. 1934 г.

Красной Армии.

В комнату входит Якир и, пробежав глазами приказ, вырывает его из машинки:

— Не подпишу! Да так вы разложите мне все дивизии!

— Войска должны знать правду. Это поднимает сознание, чувство ответственности, дисциплину. Солдат должен понимать замысел полководца, тогда он храбр.

Спор ведется уже на высоких нотах. Отдыхающий в соседней комнате на диване член Реввоенсовета Южной группы Ян Гамарник просыпается и слушает нашу перепалку.

В разгар спора он встает и, подойдя к столу, молча подписывает приказ.

Якир высоко ценил мнение своего комиссара. Так был принят план выхода из окружения".

Многим поначалу Гамарник казался очень мрачным, суровым. Но внешность обманчива. На самом деле он был человеком чрезвычайно живым, молодым, увлекающимся.

Из воспоминаний секретаря Дальневосточного крайкома ВЛКСМ М.Кузеница:

"В начале 1927 года в Хабаровске состоялся очередной пленум крайкома комсомола.

— Я вам назову места, — говорил первый секретарь Дальневосточного крайкома партии Ян Борисович, — где молодежь жалуется на скуку, сухость, и никого это не беспокоит. Молодежь хочет танцевать, а некоторые активисты считают это желание чуть ли не пережитком капитализма. Многие ли среди вас, сидящих в этом зале, умеют танцевать? Говорят, что всего два человека, и то фамилии не называют, чтобы их не "дискредитировать"...

Однажды вечером я встретил Бивмарника на улице — он с коньками под мышкой направлялся на стадион "Динамо". Увидев меня, сказал: "Я вас почему-то ни разу не видел на катке. Поидемте-ка вместе, ся в порядке "партийного руководства" вовлеку и спорт хотя бы одного комсомольского работника".

Немало краснел и потел я и тот вечер, но деваться некуда — коньки пришлось осваивать.

С полным текстом документа можно
ознакомиться в библиотеке